

Антирубрика

ДЕЛА БИБЛИОТЕЧНЫЕ...

Перевод с английского М. ЛОРИЕ

ЭДМУНД ПИРСОН

По заслугам

И открылось мне, и увидел я великое множество девочек, стоявших рядами. Иные из них были с косичками и почти все жевали резинку.

— Кто это? — спросил я своего провожатого, и он ответил:

— Это девочки, которые писали на контр-титулах библиотечных книг: «Ужасно интересно», или: «Прелесть», или: «Гадость». Иные изливали свои чувства еще и на полях, например: «Так ему и надо!» или: «Получила, старая ведьма?»

— И что им за это будет? — спросил я.

— Будут десять лет стоять по горло в озере из содовой воды с мороженым, — отвечал он.

— Это для них не такая уж строгая кара, — начал я робко.

— А вы бы сами попробовали, — возра-

Подборка юмористических рассказов под названием «Дела библиотечные...» составлена из материалов одноименной книги, вышедшей в США в 1971 г. («Library Humor: A Bibliothecal Miscellany to 1970», The Scarecrow Press, Inc., Metuchen, N. J., 1971). Ее составил Норман Стивенс, директор Мол-спортского института. Рассказы и юморески, собранные в книге, взяты из разных органов печати: «Библиотечный журнал», «Бюллетень Библиотеки конгресса», изданий университетов и колледжей первой половины нашего века. Авторы — преимущественно сами библиотечные работники: библиографы, составители указателей и другие.

зил он, и я умолк. — Вон те, — продолжал он, указывая на группу девочек, особенно рьяно жующих, — осуждены на пятнадцать лет в озере из содовой с мороженым, да еще на них через равные промежутки времени будет капать черная патока. Это те, что писали:

Мое имя хочешь знать —
Открой страницу 45, —

а когда человек, называя себя последним идиотом, открывал страницу 45, там его встречало:

Мое имя посмотри
На обложке изнутри, —

и так далее, и так далее, пока он не дошел до полного изнеможения. Да ну их! — взорвался мой проводник. — Будь моя воля, я бы их живо похоронил в кокосовой помадке, я и Хозяину так докладывал. И каждую третью зовут Герти, — добавил он, словно это еще усугубляло их виновность.

Потом он показал мне целую толпу взрослых, по большей части мужчин, хотя кое-где среди них мелькали и женщины.

— Это полемисты, — сказал он, — те, что используют форзацы и поля для увековечения своих дурацких мнений. Они спорят с автором, уличают его во лжи, всячески над ним измываются. Вон тот, что стоит с правого боку, собирал все биографии Шекспира, какие мог найти, и все

свободные места в них исписывал карандашом, а подписывался «Бэжонианец». Начиная же обычно с утверждения: «Автор сей книги — непроходимый болван». Тот, что стоит рядом с ним, считал, что земля плоская, и так усердно насаждал эту теорию с помощью автоматической ручки, что перепортил книг на сумму около двухсот долларов. Его поймали, шесть месяцев продержали в тюрьме, но здесь ему все равно придется отвечать. А позади него стоят два религиозных фанатика — вернее сказать, они стали фанатиками на почве религии. Один был безбожник и на всех религиозных сочинениях писал кощунственные слова. Второй страдал избытком религиозности и в любую книгу норовил вписать благочестивое изречение или евангельский стих. Он вымарывал или выскребал из текста все ругательства и божбу; карандашом вычеркивал все упоминания о вине и более крепких напитках и посредством соответствующей надписи привлекал всеобщее внимание к любой фразе, показавшейся ему непристойной. Как видите, он накрепко прикован к безбожнику. Та женщина во втором ряду возле каждого понравившегося ей пассажи писала: «Как это верно!» Она получила всего шесть лет. Остальным почти всем предстоит заниматься этим восемь лет.

— Чем заниматься? — не понял я.

— Перелезанием через изгородь из колючей проволоки, — последовал ответ. — Торопить их не будут, но и останавливаться не разрешат. Они приступают завтра утром, с половины восьмого.

Мы стали спускаться с холма в сторону скопления каких-то неприглядных субъектов. Проводник мой остановился и указал на них:

— Это вырезатели, выдиратели, выстригатели и любители картинок, начиная от тех, что в читальном зале вырезают из газет объявления «Требуется», и кончая теми, что забираются в укромный уголок и извлекают из книги цветные вкладыши методом смоченной бечевки. Они принадлежат ко всем слоям общества, и есть среди них мужчины и женщины, мальчики и девочки. Как вы можете заметить, все они немного сутулятся и подозрительно озираются по сторонам. Это потому, что они привыкли пригибаться на стуле, прячась за газетой, и проверять, не следят ли за ними. Есть тут один, он увлекался геральдикой. Он проделывал свои операции в пяти или шести библиотеках, как частных, так и общественных. Когда его арестовали и пришли к нему на дом, комната его напоминала Геральдическое управление. Он отсидел несколько лет, но теперь он все равно здесь. А рядом с ним... Впрочем, не будем называть имен, вы ведь и так его узнали. Знаменитый политический деятель и миллионер. В библиотеке побывал всего раз в жизни. Ему нужно было посмотреть одну статью в лондонской газете, а посмотрев, он решил оставить ее себе и оторвал половину страницы. Сотрудник библиотеки увидел это, вызвал полисмена и просил

его арестовать. Вы понимаете, он не знал, кто это такой.

— И что-нибудь из этого получилось? — спросил я.

— Да, получилось. Сотрудника уволили. Икс попросту заявил в Совет попечителей, что его оскорбил какой-то юнец, который, судя по всему, и досыта никогда не ел. Два члена Совета предложили расследовать это дело, но большинство готово было по одному слову Икса хоть через обруч прыгать. Сюда он помещен на пять лет, но ему еще начислено лет восемьсот по другим статьям. В конце очереди вы видите людей — не то пять, не то шесть десятков, — которые вырезали иллюстрации из журналов по искусству — очень распространенная привычка. Дальше стоит женщина — та воровала в библиотеках проповеди. Еще дальше — бывший священник. Он писал книгу о Святой Земле и вырезал карты из всех атласов, какие были в библиотеке. Уверял, что взял их не надолго.

Эти люди меня заинтересовали, и я спросил, какая участь им уготована.

— Сейчас увидите, — сказал мой проводник. — Они как раз начинают работать.

Тут с холма спустились служащие с огромными охапками липкой бумаги для мух. Бумагу роздали вырезателям, выдирателям, выстригателям и любителям картинок, и те перочинными ножичками принялись отщипывать каждый от своего листа маленькие кусочки. Спустя несколько минут несчастные были с головы до ног облеплены этой мерзостью. Стоило им содрать кусочек с одной руки, как он прилипал к другой, кусочки застревали в волосах, на ресницах, не оставляли ни одного чистого места.

— Это не очень больно? — заметил я.

— Пожалуй, что нет, — отвечал мой спутник. — Но за четыре года может сильно приростить. Пошли, пройдем до конца той долины, я хочу показать вам одно пиршество.

В конце долины, там, где она расширялась, образуя большое ровное место, был в разгаре своеобразный пикник. За сотнями столиков люди сидели и ели, а некоторые танцевали и разгуливали по зеленой траве. Мы остановились.

— Это сборище, — сказал он, — составляет главный предмет гордости нашего Хозяина. Люди, устроившие его — адепты генеалогии, как можете заметить, — почти исключительно женщины. Это из-за них столько библиотечных работников впали в грех богохульства и до времени поседел. Одним из них предки требовались ради общественного положения, другим — из соображений исторических или финансовых, третьим — просто для удовлетворения собственной гордости или любопытства. Но так или иначе предки требовались всем, вынь да положь, и никаких отказов. Годами они штурмовали библиотеки, требуя

предков. Вон видите ту большую толпу? Это — двести пятьдесят тысяч прямых потомков Уильяма Брестера. Чуть левее — шесть тысяч законных лордов Балтимор¹. А то скопище, что начинается от высокого дерева и тянется на шесть миль к северо-востоку, — это все потомки Покахонтас и Джона Смита²: одни произошли от нее, другие от него, мы их еще не рассортировали.

— Сколько же их всего? — спросил я.

— По последним нашим данным, в настоящее время — около восьми миллионов, но мы, разумеется, все время получаем еще и еще материал. В прошлом месяце поступило три с половиной тысячи. Только считать нет времени.

Я рассмеялся.

— Времени! Да у вас в распоряжении вечность!

Но он только махнул рукой и продолжал:

— Во всяком случае, это здесь самая многочисленная группа, сравниться с ней могут разве что потомки «отцов-пилигримов»³. У тех есть своя долина, за следующим холмом. Говорят, их двенадцать миллионов, но точно не знает никто. Недавно они подали прошение о дополнительном пространстве, их долина уже переполнена.

Понимаете, она вся засажена родословными деревьями, так что им приходится жить в густой тени, а там очень сыро и холодно. Да и вообще там повернуться негде — триста тысяч тонн громоздких антикварных часов, медных грелок для постелей, люлек, столов и стульев.

Мы стали прохаживаться среди участников пикника, мне хотелось выяснить, зачем они здесь собрались. Из всего виденного до сих пор это место показалось мне больше других похожим на райские кущи.

Однако вскоре я понял, что ошибся. Возле первых столиков стоял столб с дощечкой, надпись на дощечке гласила: «Кавалерши ордена Пекотской войны»⁴, а за одним из столиков сидела миссис Корнелия Крампет. Я вспомнил, сколько мучительных часов посвятил розыскам двух предков миссис Крампет, которые позволили бы ей числиться кавалершей. В конце концов я их нашел, и она, по-видимому, тоже — те два гнусных субъекта, которых она угощала, несомненно и были ее утраченными и вновь обретенными предками. Один из них, на редкость неряшливый и грязный, что-то ел, не тратя драгоценного

¹ Лорд Балтимор — наместник английской колонии Мэриленд в Америке в XVII веке. (Здесь и далее — примечания переводчика.)

² Покахонтас — дочь индейского вождя, вышла замуж за англичанина. Ее история известна главным образом из сочинений Джона Смита, английского авантюриста и путешественника, который в 1607 году привез в Америку очередную партию колонистов и был спасен прекрасной Покахонтас от гнева ее соплеменников.

³ «Отцы-пилигримы» — группа английских пуритан, прибывших с семьями в Америку в 1620 году на корабле «Боярышник» и основавших колонию Плимут.

⁴ Пекотская война — истребительная война, которую колонисты Новой Англии вели в 1637 г. против индейского племени пекот.

ЖАН ЭФФЕЛЬ.

Франция.

Любовь и мир.

С выставки «Сатира в борьбе за мир»

времени на вилки и прочие приспособления. Второй уже наелся и сидел развалился в непринужденной позе, покуривая огромную трубку и задрал ноги на стол.

На лице миссис Крампет было ясно написано, что владевшее ею некогда желанное обнаружит этих предков было лишь мимолетной прихотью по сравнению с ее теперешней неотступной заботой, как бы от них избавиться. Мне стало жаль бедняжку, но в своем горе она была не одинока. И справа и слева от нее сидели другие кавалерши ордена Пекотской войны, тоже угощавшие своих предков. Среди последних были и люди более приятные, чем гости миссис Крампет, но попадались и еще более отталкивающие. Ни про одну из дам нельзя было бы сказать, что она проводит время в свое удовольствие.

Мой провожатый вывел меня наконец из лабиринта столиков на открытое место.

— В этом отделении у нас бывает много японцев, — сказал он. — Они приезжают сюда перенять у американцев кое-какой опыт по части культа предков.

— И что потом говорят?

— Просто улыбаются и уходят.

Миновав adeptов генеалогии, мы набрали на большую группу людей, которые, по словам моего спутника, брали почитать книги и не возвращали их. Истцами по их делам выступали не столько общественные библиотеки, сколько частные лица.

— Особенного интереса они не представляют, — сказал мой проводник, — но суть их наказания будет вам понятна.

Подойдя ближе, я с содроганием убедился, что все они заполняют карточки для алфавитного каталога.

— На сколько же они осуждены? — спросил я и ужаснулся, услышав, что срок их наказания — от двадцати до тридцати пяти лет.

— Ну, это уж никуда не годится, — возмущился я. — Липкая бумага и то лучше.

Он пожал плечами и ответил коротко:

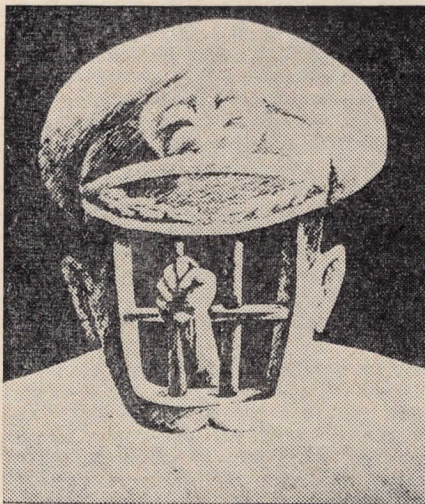
— Таково правило.

Следующая группа, к которой мы подошли, состояла из людей, занятых какой-то непонятной работой. Вокруг них тянулись длинные книжные полки, и они только и делали, что снимали с одной из полок какую-нибудь книгу, а потом со вздохом ставили ее обратно. Подойдя к ним вплотную, я понял, почему у них такой усталый и разочарованный вид. Полки, казалось, были уставлены прекрасными книгами в богатых переплетах. На корешках золотыми буквами было вытиснено «Полное собрание сочинений Чарльза Диккенса», «Сочинения Дюма, подарочное издание», «Сочинения Скотта» и т. п. Но когда я взял один из томов в руки, чтобы рассмотреть его, оказалось, что это вовсе не книга, а деревянный макет, раскрашенный по одной узкой грани, в остальном же совершенно чистый. Такими макетами торговцы мебелью наполняют книжные шкафы, чтобы придать им естественный вид, такими же пользуются в театре, когда действие происходит в библиотеке. Деревянные макеты предостаточно, настоящей же книги — ни одной.

**ГАНС ИОАХИМ ЭГГШТАЙН.
ГДР.**

Свободу...

С выставки «Сатира в борьбе за мир»

Я спросил одного из страдальцев, за что ему выпала такая доля, и он, прервав на минуту свою гимнастику, обратил на меня скорбный взгляд.

— Все мы здесь такие, — сказал он, кивнув на своих соседей. — Мы, литературные мошенники, любил пускать пыль в глаза. Почти все мы были богаты. Я и сам был богат. — Тут он тяжело вздохнул. — Мы покупали книги на вес, притом обязательно дорогие — подарочные издания, роскошные нумерованные издания «десять тысяч экземпляров, из которых данный экземпляр — № 94», — добавил он тупо, без выражения, точно отвечая урок. — Нас безбожно грабили торговцы и маклеры. Особенно мы гонялись за иллюстрированными изданиями, и чтобы копии гравюр были приложены в особой папке, и переплет чтобы был из белого сафьяна, и прочая такая чепуховина. И уж поверьте, они старались нам угодить. Стоило пустить слух, что такое-то издание Поль де Кока или Бальзака полное, без сокращений, и что если мы купим его за 125 долларов, нам подкинут дополнительный том, непечатанный нелегально и раздаваемый в виде подарка, поскольку продавать его запрещено, — и мы так и набрасывались на эту приманку. А теперь вот что с нами стало!

И он вернулся к прерванному занятию — снова стал доставать с полок макеты за макетом и с тяжелым стоном водворять их обратно.

Долго смотреть на эту печальную картину не было сил, и мы поспешили дальше — туда, где множество людей сидели за столами, скрючившись в три погибели. Все они были бледные, изможденные, потому что, как сказал мой спутник, питались исключительно бумагой.

— Это библиоманы, — пояснил он, — собиратели неразрезанных книг, выскребатели опечаток, измерители формата до одного миллиметра. Здесь их заставляют читать подряд все романы серии «Взморье» в бумажных обложках. Чуть дальше сидят библиографы — составители списков и подсчитыватели чистых страниц. Они ценили списки книг больше, чем самые книги, они вылавливали в книгах пустячные огрехи и ликовали, когда им удавалось такой огрех найти. Божеством их была точность, так вот теперь их заставляют бритвой расщеплять волос на пять равных частей и анатомировать блошинные ноги.

Немного подальше, среди целой оравы школьников, я увидел мальчика лет пятнадцати, чье лицо показалось мне знакомым. Когда он подбежал ко мне, я заметил, что на шее у него висят две книги. Их противные желтовато-коричневые обложки всколыхнули во мне давнишние воспоминания — то были учебник геометрии и учебник алгебры. Мальчик жалобно хлопал носом, зловредные эти книги оттягивали ему шею — я не выдержал и громко зарыдал. Так с плачем я и проснулся.

АНТИРУБРИКА